

Я был в крайнем смущении: мне предстояла срочная поездка; тяжелобольной ждал меня в деревне, в десяти милях расстояния; сильная снежная метель заполняла пространство между мной и ним; у меня была повозка, лёгкая, с большими колёсами, подходящая для наших сельских дорог; закутанный в шубу, с докторским саквояжем в руке, я уже стоял, готов отправляться, на дворе; но коня не было, не было коня. Мой собственный конь пал в ночь перед тем из-за переутомления этой ледяной зимой; моя служанка бегала сейчас по деревне, пытаюсь сыскать коня в долг; но это было безнадежно, я знал это, и, всё более заваливаем снегом, всё более недвижный, бесцельно продолжал стоять. В воротах показалась служанка, одна, покачала фонарём; конечно, кто же одолжит сейчас коня, для такой-то поездки? Я ещё раз обошёл весь двор; ни единой возможности не видно; рассеянно, измученно я толкнул ногой дверь на многие годы заброшенного свиного хлева. Она открылась и захлопала на петлях, закрываясь и распахиваясь. Наружу пахло теплом и запахом, как от коней. Замутившийся фонарь раскачивался на одном шнуре. Человек, скорчившийся под низкой перегородкой, поднял своё открытое, голубоглазое лицо. «Прикажете запрягать?» — спросил он, выбираясь на всех четырёх. Я не знал, что сказать, и только наклонился, посмотреть, что ещё было в хлеву. Служанка стояла рядом. «И не знаешь, какие вещи хранятся в доме про запас!» — сказала она, и мы оба рассмеялись. «Но, браток, но, сестричка!» — крикнул конюх, и два коня, сильные звери с мускулистыми боками, один за другим, прижав ноги к телу, склонив, как верблюды, красивые головы, с трудом, беспокойно поводя крупами, умудрились вырваться из стиснувшего их дверного проёма. И в тот же миг они выпрямились — высокие бабки, густо парящие тела. «Помоги ему,» — сказал я, и служанка с готовностью поторопилась вручить конюху сбрую. Но не успевает она подойти, как он тотчас обнимает её и прижимается к её лицу своим. Девушка вскрикивает и кидается ко мне; на девичьей щеке виднеются два красных ряда следов от зубов. «Скотина,» — кричу я в ярости, — «захотел плётки?» — и в тот же миг понимаю, что это чужак; я не знаю, откуда он взялся, и он добровольно оказывает мне помощь, в то время как её больше неоткуда ждать. Как будто проникнув в мои мысли, он не обращает внимания на угрозу, лишь один раз оборачивается в мою сторону, всё ещё занятый лошадьми. «Влезайте,» — говорит он, и действительно: всё готово. На такой красивой упряжке, отмечаю я про себя, я ещё никогда не ездил, и я радостно влезаю внутрь. «Но править буду я, ты не знаешь дороги,» — говорю я. «Конечно,» — отвечает он, — «я никуда и не еду, я остаюсь с Розой.» «Нет,» — кричит Роза и в правильном предчувствии неотвратимости судьбы бежит в дом; я слышу, как звенит цепь, которую она накидывает; я слышу, как защёлкивается замок; я вижу, как она, проносясь через коридор, а потом через комнаты, гасит все огни, чтобы скрыться в темноте. «Ты едешь со мной,» — говорю я конюху, — «или же я отказываюсь от поездки, несмотря на её неотложность. Я не собираюсь платить тебе за поездку девушкой.» «Но!» — говорит он и хлопает в ладони; повозка уносится, как соломинка течением; сначала я ещё слышу, как дверь трещит и расщепляется под натиском конюха, а потом уши и глаза мне заполняет проникающий во все чувства свист. Но и это тоже лишь на мгновение, потому что — как если бы сразу за моими воротами начинался двор моего больного — я уже на месте; лошади спокойно стоят; снегопад прекратился; всё залито лунным светом; родители больного выбегают из дома; его сестра вслед за ними; меня почти выносят из повозки; из сбивчивых объяснений я ничего не понимаю; в комнате больного нечем дышать; за печкой недоследили, она коптит; я открою окно, но сначала хочу осмотреть больного. Худой, не в жару, не холодный, не горячий, с пустыми глазами, без сорочки юноша поднимается из-под перины, повисает на моей шее, шепчет мне в ухо: «Доктор, дай мне умереть.» Я озираюсь по сторонам; никто не расслышал; родители стоят тихо и сгорбившись в ожидании моего слова; сестра принесла стул для моего саквояжа. Я открываю его и роюсь в инструментах; юноша всё тянется из постели в мою сторону, чтобы ещё раз напомнить о своей просьбе; я беру пинцет, осматриваю его в свете свечи и кладу назад. «Да,» — богохульствую я про себя, — «в таких случаях боги помогают, посылают отсутствующего коня, и ещё одного вдобавок, и не скупятся даже на конюха.» Только теперь мне снова приходит на ум Роза; что делать, как её спасти, как вытащить её из-под этого конюха, когда я в десяти милях от неё, а в повозку впряжены неуправляемые кони? Эти кони, которые каким-то образом освободились от ремней; не знаю, как, но открыли снаружи окна? Каждый из которых сунул голову в окно и разглядывает больного, не обращая внимания на крики его родственников. «Пора ехать назад,» — думаю я про себя, как если бы кони звали меня в дорогу, но не сопротивляюсь, когда сестра, которой я кажусь оглушённым жарой, снимает с меня шубу. Мне наливают стакан рома, отец хлопывает меня по плечу, жертва сокровищем оправдывает его фамильярность. Я качаю головой; в узком кругу мыслей этого старика мне стало бы нехорошо; уже по этой причине я отклоняю его предложение. Мать стоит у постели и манит меня подойти; я повинуюсь и кладу — под конское ржание в углу — голову на грудь юноши, он вздрагивает под моей мокрой бородой. То, что я уже знаю, подтверждается: юноша здоров, немного малокровен, опоек кофе обеспокоенной матерью, но здоров и заслуживает быть вытряхнутым из постели одним пинком. Я не борец за правду, поэтому оставляю его лежать. Я нанят на службу окружным управлением и выполняю свой долг до конца, в той мере, что это даже немного слишком. При низкой оплате я, тем не менее, щедр и отзывчив по отношению к беднякам. Я ещё должен позаботиться о Розе, а потом юноша может оказаться прав, и я сам тоже хочу умереть. Что я делаю здесь, в этой бесконечной зиме! Мой конь пал, и в деревне не найдётся никого, кто дал бы мне своего коня в займы. Из свинарника должен я добывать свою упряжку; если бы там не оказалось по случаю лошадей, мне пришлось бы ехать на свиньях. Так оно и есть. Я киваю семье. Они этого не знают, а если бы знали — не поверили бы. Выписывать рецепты легко, но в остальном разговаривать с людьми сложно. Ну вот, мой визит подошёл к концу, меня снова без толку побеспокоили, к этому я уже привык, при помощи ночного колокольчика меня истязает весь округ, но то, что теперь мне пришлось к тому же пожертвовать Розой, этой красивой девушкой, долгие годы жившей, почти не обращая на себя моего внимания, в моём доме — эта жертва слишком велика, и я вынужден прибегать к хитростям, чтобы каким-то образом уложить это у себя в голове, чтобы не наброситься на эту семью, которая при всём желании не смогла бы мне вернуть Розу. Но когда я закрываю саквояж и указываю на шубу, семья стоит в полном сборе, отец потягивает носом над стаканом с ромом, мать, очевидно, разочарованная мной, — да, и чего только ждёт этот народ? — сквозь слёзы покусывает губы и сестра, взмахивающая пропитанным кровью платком, в этот момент я почему-то готов признать, что юноша всё же, возможно, болен. Я подхожу к нему, он улыбается мне, как будто я принёс ему снадобье от всех болезней — о, теперь уже ржут оба коня; звук этот, видимо, ниспослан мне свыше, чтобы помочь обследованию — и теперь я вижу: да, юноша болен. С правой стороны, в районе бёдер у него открылась рана размером с блюдце. Роза, розовая во всех оттенках, тёмная внутри, бледнеющая к краям, нежно-зернистая, с неравномерно растёкшейся кровью, открытая, как шахта у поверхности. Так это выглядит с некоторого расстояния. Вблизи же обнаруживается ещё одно осложнение. Как можно взглянуть на это, не прихвистнув тихонько себе под нос? Черви, толщиной и длиной с мой мизинец, розовые сами по себе и, кроме того, обрызганные кровью, шевелятся, пойманные внутренностью раны, многоножки с белыми головками, лезут на свет. Бедный мальчик, тебе уже не помочь. Я нашёл твою большую рану; от этого цветка у тебя в боку ты умрёшь. Семья счастлива видеть меня занятым делом; сестра шепчет матери, мать отцу, отец — гостям, входящим на цыпочках, балансируя вытянутыми руками, через залитый лунным светом дверной проём. «Ты спасёшь меня?» — шепчет юноша сквозь слёзы, ослеплённый жизнью в ране. Таковы люди в моей округе. Всегда

требуют от врача невозможного. Былую веру они утратили; священник сидит дома и распускает церковные облачения — одно за другим; а врач обязан всем помогать мягкой хирургической рукой. Ну, как хотите: я не напрашивался; используйте меня в спасительных целях, я не стану сопротивляться; чего мне хотеть, старому сельскому врачу, у которого украли служанку! И они подходят, семья и деревенские старейшины, и раздевают меня; школьный хор с учителем во главе стоит под окном и распевает крайне простую мелодию со следующим текстом:

Раздеть его, и он спасёт нас,

А не спасёт — убить его!

Ведь это доктор, просто доктор.

Меня раздевают, и, с пальцами в бороде, я спокойно гляжу на людей исподлобья. Я сохраняю самообладание и выше их всех, и остаюсь таковым, хоть мне это и не помогает, потому что теперь они берут меня за ноги и за голову и несут в постель. К стене, со стороны раны кладут они меня. Потом все выходят; дверь закрывают; пение стихает; облака затягивают луну; вокруг меня стелются тёплые простыни, подобно теням, качаются в окнах конские головы в оконных переплётах. «Знаешь,» — говорят мне в самое ухо, — «я тебе очень мало доверяю. Тебя тут тоже просто вытряхнули, ты ведь не пришёл на собственных ногах. Вместо того, чтобы помочь, ты стесняешь меня на смертном ложе. Больше всего мне хочется выцарапать тебе глаза.» «Правильно,» — отвечаю я, — «это позор. Но я же врач. Что ж мне делать? Поверь, мне тоже приходится нелегко.» «Что, я должен довольствоваться таким извинением? Ах, скорее всего — да. Мне всегда приходится довольствоваться малым. Я родился на свет с прекрасной раной; ею единственной был я оделен.» «Юный друг,» — говорю я, — «твоя ошибка вот в чём: у тебя нет опыта. Я, побывавший повсюду, в комнатах всех больных, говорю тебе: твоя рана не так уж плоха. Нанесена под острым углом двумя ударами кирки. Многие подставляют свой бок, и даже едва слышат звук кирки в лесу, не говоря уже о том, чтобы кирка до них добралась.» «Это действительно так или ты обманываешь меня в бреду?» «Это действительно так, даю честное слово врача на государственной службе.» И он принял его и успокоился. Но теперь было пора подумать о моём спасении. Кони всё ещё послушно стояли на своих местах. Я быстро сгрёб одежду, шубу и саквояж; мне не хотелось терять времени на одевание; если кони понесутся так, как на пути сюда, я в некотором смысле прыгну из этой кровати в мою собственную. Один из коней послушно отошёл от окна; я швырнул узел в повозку; шуба перелетела через неё, только один рукав уцепился за крючок. Ну и прекрасно. Я вскочил на коня. Ремни вяло волочатся, кони едва повязаны друг с другом, повозка блуждает позади, последней — шуба в снегу. «Но!» — сказал я, но не тут-то было; медленно, как старики, потащились мы через снежную пустыню; долго раздавалась позади нас новая, но неправильная детская песня:

Радуйтесь, пациенты,

Доктор лёг к вам в постель!

Так я никогда не доберусь домой; моя блестящая практика потеряна; преемник обкрадёт меня, но без пользы, потому что меня не заменить; в моём доме зверствует мерзкий конюх; Роза его жертва; не хочу даже думать об этом. Нагой, предоставленный на милость морозов этого злосчастнейшего века, в земной повозке, с неземными конями, пробираюсь вперёд я, старик. Моя шуба висит сзади повозки, я не могу до неё дотянуться, и никто из мельтешащего сброда пациентов и пальцем не пошевелит. Обманут! Обманут! Однажды последовать за обманым звоном ночного колокольчика — этого никогда не исправить.